

Частеречные и лексические признаки в функционально-семантическом поле агентивности (на материале английского языка)

Татьяна Караичева

В статье рассматриваются частеречные семантические и синтаксические признаки и семантические роли, которые предопределяют лексическую и синтаксическую реализацию единиц в определенных производных словах и синтаксических структурах, объединенных в лексико-семантическое поле агентивности. Предлагаются формы включения данной информации в словари и справочники.

Моделирование языковых категорий в виде функционально-семантических полей в основном проводилось для грамматических категорий, модели которых занимали позицию ядра, в то время как равноуровневые лексико-грамматические и лексические средства с той же или близкой семантикой находились на периферии поля [2—5; 13].

Функционально-семантическое поле агентивности характеризуется особой структурой, складывающейся на основе моделирования разного рода — синтаксического и словообразовательного — и объединяющей языковые единицы различных уровней. Эти единицы — «функциональные номинации» [1, с. 54] — объединяются на основе синтаксической синонимии, что отражает принцип внутриязыкового варьирования [13, с. 92; 7].

В связи с таким подходом остро встает вопрос о семантических ролях и синтаксических позициях единиц поля в зависимости от соотношения именных и глагольных признаков.

Положения новой теории частей речи о первоначальной мотивированности наречения в зависимости от складывающейся картины мира [10, с. 172], возможно, нигде не прослеживаются столь наглядно, как при формировании производных агентивов и тех межъязыковых синтаксических и лексических диспропорциях, которые при этом возникают. Кластерное объединение и кластерное пересечение свойств, присущих категории имен [10, с. 126], дополняется у агентивов кластером свойств, присущих категории глагола (или функционально приравниваемого к ним сочетания глагола с прилагательным), что позволяет выйти на более высокий уровень объединения — функционально-семантическое поле (ФСП). При описании признаков, конституирующих ФСП, (в данном случае — агентивности), необходимо четко отражать корреляции, складывающиеся между синтаксисом и семантикой соответствующих единиц, так как в различных языках эти корреляции складываются по-особому. Однако поскольку такие корреляции прослеживаются, то несмотря на динамичность и размытость закрепленных за языковыми значениями и формами концептуальных структур, изучать и описывать такие корреляции необходимо.

Синкретический нерасчлененный характер категории агентивности — явление не случайное, носит последовательный упорядоченный характер и прослеживается на материале разных язы-

ков, что и позволяет считать его выражением в данной сфере языка более общего процесса интеграции смыслов.

Исчисление семантической парадигмы представляет свои трудности в каждом языке, так как говорить об универсальности, например категории агентивности, можно только в самых общих чертах. Внутреннее деление семантического пространства носит специфический характер. Так, в современном английском языке, отражающем тенденции к передаче исполнительских функций и появлению независимых действующих факторов, набор общих (5—7) и частных значений агентивности и лексико-семантических разрядов имен-агентивов шире, чем, например, в русском, и охват семантического пространства одной моделью весьма значителен.

Центростремительные силы, действующие в околоядерном пространстве семантического поля агентивности, обуславливают моделирование самых разнообразных производящих баз по аналогии с моделью $V/N + er$, хотя предшествовать и сопутствовать этому моделированию могут и другие семантические формальные процессы (метафорический перенос, стяжение и т. д.).

Наряду с этой интегрирующей силой по законам диалектики действуют и центробежные, дифференцирующие процессы на базе малопродуктивных моделей типа $(N + ant)$, $(V + ive)$, но они гораздо слабее, так как дифференцирующие признаки принадлежат к более низкому уровню иерархии, в то время как интегрирующий признак агентивности — как функциональной предназначенности — является сверхгенерализованным, а дифференцирующие признаки уровня даже общих подкатегорий — «лицо», «одушевленность» — могут стираться или нейтрализоваться.

Все эти тенденции и создают глубоко интегрированное функционально-семантическое деривационное поле ФСП агентивности в английском языке, формула которого предполагает объединение и потенциальную одновременную реализацию значений разного уровня (возможно, всех) в рамках одной «генеральной» модели $(N/V + er)$ или наборов значений (вплоть до одного, частного) средствами других моделей.

ФСП агентивности в современном английском языке носит сложный характер, который нельзя описать только в терминах центра и периферии.

Трансформационный анализ производных-агентов и их коррелятов показывает, что одним из показателей степени принадлежности к ФСП является способность морфемы, выражающей мотивирующий признак, трансформироваться в предикат коррелирующего суждения, а также сам тип этого предиката [6]. При этом в английском языке с его большей разрешающей способностью для семантики субъекта активного предиката к ФСП агентивности принадлежат такие лексико-семантические разряды, которые вряд ли относятся к нему в таких языках, как, например, славянские.

Дефиниционный анализ дериватов (а также субъектов суждений-коррелятов) позволил выделить такие группы признаков, как:

- 1) «функциональная предназначенность» — конституирующий признак всего поля (*reader*);
- 2) «лицо», «принадлежность к живой природе», «одушевленность», — конституирующие признаки секторов поля, имеющих вид размытых множеств, отчасти совпадающие с центром (*later, islander*);
- 3) «активность — действие», «активность — потенциал», «активность — воля» — конституирующие признаки для зон внутри секторов; не всегда требуют эксплицитного выражения (например, при выборе модели словообразования или типа трансформации) (*absorber/absorbent, cleaner*);
- 4) «субъект действия», «источник действия», «исполнитель действия», «носитель действия» — семантические роли; носят преимущественно дифференцирующий характер, что обнаруживается при трансформациях (*reminder*);
- 5) «постоянность действия», «частотность действия», «актуальность действия», «перфектность действия» — дифференцирующие признаки, значимые внутри лишь 3-х лексико-семантических разрядов (*a writer, (a) good (letter) writer, the writer (of the letter)*).

Несколько другую классификацию в рамках сугубо когнитивного подхода можно найти у Е. М. Поздняковой [12].

Отмеченность/неотмеченность данных признаков и групп признаков позволяет построить описание состава и структуры ФСП агентивности.

Среди дифференцирующих словообразовательных моделей в ФСП агентивности особый интерес представляет модель *V + ee*.

Большинство исследователей-дериватологов относят данную модель к моделям, образующим производное имя со значением «пассивности» [см., напр., 9, с. 45] и не рассматривают те аспекты семантики модели, которые позволяют ей совмещать в себе две диаметрально противоположные роли: субъект и объект действия. Изучение семантики данной модели позволяет также пролить свет и на некоторые другие существенные проблемы дериватологии и теории номинации в силу того, что образование такого рода дериватов является одной из принятых и закреплённых на практике форм перекодирования сообщений в наименования. И в этой связи вполне правомерен вопрос о синтаксическом моделировании данных словообразовательных ак-

тов: возможно ли вообще говорить о синтаксической деривации применительно к данной группе производных, возможна ли классификация производных с суффиксом — ее или же их следует отнести в лексикон; если они соотносятся с синтаксическими моделями — исходными предложениями, то каково соотношение этих моделей между собой и этих моделей с семантико-синтаксической структурой, лежащей в их основе (в терминологии генеративной грамматики — глубинная структура, пропозиция).

Агентивные словообразовательные модели всегда привлекали особое внимание исследователей, поскольку агенс действия имеет тенденцию реализоваться синтаксически в позиции подлежащего или дополнения, т. е. тех членов предложения, которые несут специфическую коммуникативную нагрузку при построении сообщения, в основном появляются в начале такого построения и, следовательно, очень важны для него. Эта важность усиливается также тем, что эти знаки служат способом номинации ситуации и поэтому изучение их в плане вариативности номинации ситуации, где базовая пропозиция включает агенс и пациенс действия, в зависимости от внутриязыковых и коммуникативных факторов представляется необходимым.

Следует также отметить растущую продуктивность рассматриваемой модели в современном английском языке,

Особенно интересно выглядит функционирование интегрирующей и дифференцирующей модели при их соположении в определенных терминологических подсистемах (*offeror — offeree, lessor — lessee*).

При гармонизации/корреляции фрагментов картины мира, отражаемых соответствующими языками корреляции могут также выравниваться, что приводит к появлению неологизмов и заимствований.

Специалисты в области теории и практики перевода предлагают даже подробные программы по активизации агентивных словообразовательных моделей русского языка [11].

Очевидно, данная модель находится на этапе активной ассимиляции, а этап осмысления ее как модели уже в основном пройден.

Однако основной проблемой является именно несоответствие корреляции между синтаксическими структурами, которые лежат в основе словообразовательных моделей агентивов в английском и русском языках. И как следствие этого — неизоморфность функционально-семантических полей.

Производные слова репрезентируют фрагменты картины мира, указывая на связь с другим действием, признаком и т. д., позволяя таким образом объединить новый опыт со старым, «узнавать неизвестное через известное, а это, конечно, облегчает доступ к новому знанию» [10].

Естественные классификации, которые должны отражаться лексикографически, не характеризуются набором дискретных признаков, присущих каждому члену категории. Даже такие формально бо-

лее определенные категории, как словообразовательные, проявляют размытость границ как между категориями, так и внутри, между более мелкими составляющими. Зоны переходности отличаются наложением и конкуренцией значений и форм, что затрудняет отнесение единицы к той или иной категории. Действительно, подведение единицы под какой-либо класс не обязательно требует наличия всех признаков этого класса — достаточно неполного ряда [10, с. 154]. Но следует учитывать и диалектически связанную закономерность: возможность проявления (или появления) всего спектра признаков категории в процессе функционирования единицы. Поэтому определение единицы какого-либо класса целесообразно строить для ядерной части класса, обладающей всеми признаками, но закладывать как потенциальные эти признаки и для периферической зоны данного класса.

В категории агентивности в английском языке, где ядерные единицы категории моделируются по определенной словообразовательной модели и могут иметь варианты и корреляты, набор значений ядерных единиц представляет собой исторически сложившуюся иерархическую расширяющуюся систему полевого типа, отражающую представление о развитии и связи признаков в данной категории.

В современной лингвистике сложилось устойчивое представление о параллелизме между дефиницией деривата в словаре и пропозицией, которая лежит в его основе и которая в свою очередь отражает структуру знания [6; 7; 10].

Но системность этого типа не находит отражения в словарях и справочниках, за редким исключением: учебные пособия Т. Мак-Артура [14]. Практикующиеся ныне способы представления агентивных дериватов в англоязычных словарях отражают, как правило, не весь спектр значений, а если и весь — через формулу *-er* после глагольной статьи — то неупорядоченно. Варианты и корреляты подаются спорадически [8].

Оптимальной формой представления единиц категории в словаре (включая словообразовательные, переводные и учебные) было бы унифицированное, иерархическое описание в статье суффикса — всех подкатегорий агентивных дериватов:

I. 1) действующее лицо и другие подкатегории лица, где признак мыслится как функция — *builder, distributor, generator, islander*, 2) инстру-

мент — *regulator, damper dredger/dredge, generator, refrigerator, lubricator*, 3) средство или фактор/артефакт — *reminder, generator*, 4) активное вещество — *refrigerant, lubricant*, 5) функциональный предмет — *destroyer, divider, browser*. Первая линия (I) отражает порядок передачи функций, свойственных деятельности человека, неодушевленным артефактам и предметам в реальной действительности. Порядок следования значений отражает процесс отчуждения деятельности от человека.

II. 6) животное (особенно, подклассы — *crawler*), 7) растение (подклассы) — *creeper, Rambler*, 8) кличка, прозвище, название (особенно транспортного средства) — *Fixer, Harrier*. Вторая линия (II) указывает на связь с действующим лицом через общую схему «одушевленность» и обозначает возможность метафоризации, одушевления при помощи данной формулы.

Такая словарная статья могла бы содержать указания на словообразовательные корреляты: например, для первого значения: *-ist* (для подкатегорий, определяемых признаком, «профессиональная принадлежность, отношение к музыкальному инструменту; взглядам»). В этой же статье можно заложить информацию о так называемом «актуальном» значении агентивных дериватов, что позволяет выйти в область сочетаемости и «малого» синтаксиса. Так, формула *Det (Adj) + er of N* и ее соответствие в переводном словаре, например, для русского — предложение или словосочетания «любитель что-либо делать», «делающий что-либо» дает возможность отразить существующие соответствия на других уровнях языковой системы и показать ход процесса универбации, что существенно расширяет эвристические потенциалы пользователя.

Аналогичным образом словарные статьи других агентивных суффиксов должны содержать указание на место дериватов с этими суффиксами в иерархии значений и их корреляции.

Словарные статьи отдельных дериватов не представляются необходимыми. В конце статей мотивирующих слов можно было бы указывать формант и набор значений цифрами, добавляя по мере необходимости (и в зависимости от задач словаря) информацию о значении лексикализованных дериватов — по сути информацию энциклопедического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М. 1999. — 896 с.
2. Беляева, Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е. И. Беляева. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. — 179 с.
3. Бескровная, В. В. Функционально-семантическое поле локативности в современном английском языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / В. В. Бескровная. — Ростов н/Д, 2005. — 20 с.
4. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. — Л., 1983. — 208 с.
5. Иконникова, С. В. Функционально-семантическое поле собирательности в современном английском языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / С. В. Иконникова. — М., 2007. — 24 с.
6. Караичева, Т. В. Синтаксическая деривация конструкции с ядром — отглагольным именем деятеля / Т. В. Караичева // Вопросы романо-германской филологии: сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тереза. — М., 1977. — С. 71—76.
7. Караичева, Т. В. Номинационный деривационный ряд — подсистема средств номинации / Т. В. Караичева // Вестник БГУ. Сер. 4. — 1988. — № 1. — С. 56—62.
8. Караичева, Т. В. Словарная дефиниция как когнитивная формула. Современные проблемы лексикографии: сб. научных трудов / Т. В. Караичева; Харьковское городское лексико-графическое общество. — Харьков, 1992. — С. 118—120.

9. Карашук, П. М. Словообразование английского языка / П. М. Карашук. — М.: Высшая школа, 1977. — 300 с.
10. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова; Ин-т языкознания Рос. академии наук. — М.: Языки славянской литературы, 2004. — 560 с.
11. Литвинов, Ю. В. Об иностранных заимствованиях в русском языке / Ю. В. Литвинов // Мосты. Журнал переводчиков. — 2008. — № 2. — С. 54—60.
12. Позднякова, Е. М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке (когнитивный аспект исследования). — Тамбов: ТГУ им. Г.Р.Державина, 1999. — 110 с.
13. Симонова, К.Н. Функционально-семантическое поле количественности в современном английском языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / К. Н. Симонова. — Ростов н/Д, 2003. — 20 с.
14. McArthur, T. Building English Words / T. McArthur. — London: Collins, 1972. — 84 p.

«Parts of Speech and Lexical Features in the Functional Semantic Field of Agentivity» (Tatiana Karaicheva)

The article considers the semantic roles of agentive nominals, which together with their lexical features determine their characteristics as parts of speech and the correlations with their syntactic representations in discourse. The paper also suggests some ways to include this information in dictionaries.

Статья поступила 11 ноября 2011 г.